

Чудища Франце Михелича

Послесловие к выставке

Показанная в Третьяковской галерее выставка классика словенского искусства – не просто персональная ретроспектива. Ее название – “Франце Михелич в мире демонов” – точно передает ощущение от его циклов: запечатленный художником мир демонов воспринимается как достоверный, покоряющий своим масштабом. Демонология – вообще достойное “занятие” для художника XX века; в нем сходятся личная мифология автора, уходящая в глубины веков, и “диагноз” веку, породившему ментальных демонов, возможно, больше, чем человечество за все вместе взятые предыдущие века.

Франце Михелич родился в 1907 году в небольшом словенском селе в пригороде Шкофьи Локи, где почти 90 лет спустя еще при жизни художника (а умер он в 1998-м) открылся его персональный музей – “Галерея Франце Михелича”, откуда и были предоставлены работы для третьяковской экспозиции.

Ситуация “искусства после войны”, о невозможности которого сразу же после ее окончания писал философ Теодор Адорно, напрямую коснулась художника, во всей полноте познавшего ужасы войны во время пребывания в партизанском отряде. И нечисть, смутные образы подсознания обживают пространство его картин как свидетельство именно невозможности представлять мир привычным. Это ни в коем случае нельзя воспринимать как запоздалую попытку присоединиться к искусству сюрреализма, за которую могло бы сойти позднее искусство Михелича в глазах человека, незнакомого с его биографией. Художнику было хорошо известно движение сюрреалистов и до Второй мировой,

“Автопортрет в бараке”. 1929 г.

однако же роднящая с ними навязчиво визионерская образность сменяет у него приверженность реализму только начиная с 1950-х годов. В этом смысле его творчество – само по себе превосходный индикатор человеческого состояния в годы войны и после нее.

Представленные на выставке крупноформатные живописные работы могут показаться чересчур графичными. Действительно, в графике, для показа которой, к сожалению, места в отечественном музее не нашлось, художник добился высших результатов. Но и в живописи этот прием убеждает по-своему: художник использовал мягкие, выгодные для передачи фактуры материалы – пастель, акрил с добавленным

песком, которые оказались оптимальными для “заселения” их фигурами неведомых миров.

Несветлый художник, Михелич разыгрывает в своем мрачно-романтическом, но подлинном искусстве роль тревожного вестника. Незавидную, но благородную роль, ответственности выбрать которую хватило лишь у немногих творцов XX столетия. Взгляд его на протяжении жизни эволюционирует не столько от реализма к сюрреализму, сколько от восторженного удивления к обусловленному опытом предостережению о хрупкости мироздания и тотальной опасности. Ибо реальность по своему воздействию оказывается много сильнее любого надуманного сюжета.

Франце Михелич 1970-х может показаться маргиналом с точки зрения европейского мэйнстрима, занятого в эти годы концептуальной проблематикой и практически переставшего интересоваться возможностями пластики; таким стариканом-модернистом, упорно отстаивающим собственные стратегии минувших десятилетий. Но неоспоримо его место в рамках истории искусства фантастического, идущего не столько другой дорогой, сколько “внутренним”, “глубинным” путем. Исследователи ведут “родословную” искусства Михелича от Босха, Арчимбольдо и Гойи, и это не простая “привязка” для творчества крупнейшего словенского художника: сами новации несут в рамках этой традиции совершенно иной характер. Задача их – скорее, открытие новых возможностей вечных символических смыслов в непрерывной цепи мировой культуры.

Сергей ПОПОВ

Кучибура, 2003-21-27 авг. - 08